

A close-up portrait of a middle-aged man with a grey beard and mustache. He is wearing a grey wool suit jacket over a light blue dress shirt, a brown patterned tie, and a brown scarf. He has his arms crossed and is looking directly at the camera with a serious expression. The background is blurred, showing what appears to be a building facade and some foliage.

Плохие люди

Максим Козлов

18+

Максим Козлов

Плохие люди

«Автор»

2026

Козлов М.

Плохие люди / М. Козлов — «Автор», 2026

Каждый считает себя хорошим. Олег — менеджер среднего звена, муж, отец двоих детей. У него ипотека, любовница, которую он бросил, когда та забеременела, и твёрдая уверенность: он не плохой человек — просто устал, не сложилось, обстоятельства. Но после автокатастрофы его сознание расщепляется, и он проживает тридцать семь чужих жизней. Не со своей точки зрения — с точки зрения тех, кому сделал больно. Брошенная любовница, преданный сын, доведённый до петли сотрудник, умершая в одиночестве мать, избиваемая дочь, обманутый друг, замёрзшая собака у офиса — список длинный. Каждую жизнь он чувствует полностью. Каждую боль — как свою. Олег выходит из комы, помня всё. Он пытается стать идеальным. Но тридцать семь голосов не умолкают. Через пять лет он кончает с собой, оставив записку: «Я узнал, что значит быть плохим. Но я так и не узнал, как перестать им быть». После этой книги невозможно оставаться безучастным к собственным «мелким подлостям».

© Козлов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Кристина	5
Саша	12
Антон	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Максим Козлов

Плохие люди

Кристина

Она ждала его в кафе на углу Садового и Тверской уже сорок минут. Кофе остыл. Она заказала второй, потом третий. Официантка смотрела на неё с той особой жалостью, которую приберегают для женщин, которых вот-вот бросят. Кристина знала этот взгляд. Она видела его в зеркале последние три недели.

Телефон молчал. Она написала ему пять сообщений. Пять. Она помнила каждое. «Ты скоро?» — в 18:42. «Я заказала тебе круассан» — в 18:55. «Всё в порядке?» — в 19:10. «Пожалуйста, ответь» — в 19:23. «Я жду» — в 19:35.

Он не ответил ни на одно.

В 20:00 она позвонила. Гудки шли долго, секунд двадцать, потом сброс. Она подумала — совещание. Он же менеджер, у него вечно совещания, встречи, звонки, дедлайны. Она наизусть выучила все слова, которыми он прикрывался. Они звучали так убедительно, когда он говорил их, глядя ей в глаза, поправляя галстук, улыбаясь той самой улыбкой, от которой у неё подкашивались ноги в первый месяц.

Второй месяц был хуже.

Третий она просто ждала.

Она заплатила за кофе и вышла на улицу. Ноябрь в Москве — это особый вид отчаяния. Снега ещё нет, только серая каша под ногами и ветер, который забирается под пальто и остаётся там на весь день. Она пошла к метро, потом передумала, поймала такси. Назвала его адрес. Не свой. Его.

Таксист включил шансон, она попросила выключить. Он хмыкнул, но выключил. Ехали молча. В окне проплывали огни, мокрые улицы, люди с зонтами, хотя дождя не было. Москвичи носят зонты по привычке. Защищаются от всего сразу.

Она знала код от подъезда. 2479. Его день рождения. Двадцать четвёртое июля. Она дарила ему часы в прошлом году, он сказал — не стоило, но носил. Она проверяла. Каждый день проверяла, носит ли. Носил. Иногда это было единственное, что давало ей надежду.

Она поднялась на седьмой этаж. Лифт пах мочой и хлоркой. Она прислушивалась к звукам за дверью, но там было тихо. Кристина достала ключи. Он дал их ей полгода назад, сказал — на всякий случай. Она тогда почувствовала себя особенной. Теперь она чувствовала себя взломщицей.

Внутри горел свет в гостиной. Она сняла пальто, повесила на вешалку, где уже висело другое пальто. Женское. Серое, в клетку. Она знала это пальто. Видела его однажды на фотографии в его телефоне. Он сказал — сестра. Она поверила. Или сделала вид, что поверила. Это почти одно и то же, когда любишь.

— Олег?

Тишина. Потом шаги. Вышла женщина в домашнем халате. У неё были усталые глаза и мокрые волосы — только что из душа. Она посмотрела на Кристину без удивления. Скорее с какой-то скукой, как смотрят на очередную проблему, которую надо решить.

— Вы Кристина?

— Да. А вы...

— Я Лена. Жена Олега.

Кристина помнит, как пол ушёл из-под ног. В буквальном смысле — она покачнулась, схватилась за стену. Лена не двинулась с места. Просто смотрела.

— Он сказал, что разведён.

— Он много чего говорит.

Лена прошла на кухню, налила воды из графина, вернулась. Протянула стакан Кристине. Та взяла. Руки дрожали, вода пролилась на блузку. Пятно расплылось, как синяк.

— Давно вы с ним?

— Два года.

Лена кивнула. Не было ни сцены, ни истерики. Две женщины стояли в коридоре квартиры, в которой жил человек, враги им обоим, и молчали. Это было страшнее любой драки.

— Он вам говорил, что у него дети?

Кристина закрыла глаза.

— Нет.

— Мальчик и девочка. Девять и двенадцать. Они сейчас у бабушки. Он сказал — надо побыть вдвоём, устал. А на самом деле он не хотел, чтобы они были дома, когда придёте вы. Он знал, что вы придёте.

— Он знал?

— Он всегда знает. Это его талант.

Лена села на пуфик в коридоре, закурила. Кристина смотрела на неё и думала, что эта женщина красива. Усталая, рано постаревшая, но красива. У неё были тонкие запястья и длинные пальцы. Пианистка, наверное. Или могла бы быть. Если бы не вышла замуж за Олега.

— Я беременна, — сказала Кристина.

Лена затаилась, выпустила дым. Дым поднялся к потолку, закружился вокруг лампочки без плафона. Почему у них лампочка без плафона? Кристина думала об этом, пока ждала ответа. Странные вещи лезут в голову, когда мир рушится.

— Я знаю.

— Откуда?

— Он сказал. Он сказал: «Одна идиотка залетела, надо решать вопрос». Это вы. Идиотка.

Кристина поставила стакан на пол, потому что боялась уронить. Она чувствовала, как лицо горит. Не от стыда — от унижения. Это разные вещи. Стыд — это когда ты что-то сделал не так. Унижение — это когда тебе показали, что ты ничего не значишь.

— Где он?

— Уехал. Сказал — в командировку. На неделю. Он всегда уезжает, когда «надо решать вопросы». Он решает их чужими руками. Моими, например. Или вашими.

Лена встала, подошла к зеркалу в прихожей, поправила волосы. Её движения были механическими, заученными. Так двигаются люди, которые давно не живут, а функционируют.

— Знаете, сколько таких, как вы, было?

Кристина молчала.

— Я знаю о трёх. Может, больше. Может, десяток. Он не говорит, а я не спрашиваю. Знаете почему? Потому что если я спрошу — мне придётся что-то с этим делать. Уходить, например. А мне некуда. Двое детей, ипотека, мама больная. Я не работаю уже восемь лет. Кому я нужна? Кому нужна сорокалетняя женщина с двумя детьми и без профессии? Правильно. Никому. И я терплю. И буду терпеть. А вы — нет. Вы молодая, красивая. Вы найдёте другого дурака.

Кристина подумала о том, что Лена говорит это не ей. Лена говорит это себе. Уговаривает себя, что у неё нет выбора. Это тоже вид лжи. Самый страшный, потому что в него веришь.

— Я хочу его услышать.

— Не услышите. Он отключил телефон. Всегда так делает. Через неделю вернётся, скажет — устал, было много работы, ты же понимаешь. И всё продолжится. Если вы согласны терпеть — терпите. Только знайте, что будут ещё. Всегда будут ещё.

Кристина подняла стакан с пола, отнесла на кухню. На холодильнике висели рисунки детей. Домик, солнце, семья. Папа, мама, мальчик, девочка. Собака. У них нет собаки, но дети всегда рисуют собаку. Как будто без собаки семья неполная.

Она вышла в коридор, взяла пальто. Лена стояла у двери, курила вторую сигарету.

— Вы аборт будете делать?

Кристина не ответила.

— Я делала. Дважды. Он сказал — не время. Дети, кредиты, кризис. Я верила. Теперь думаю — может, зря. Может, надо было рожать назло. Но кому назло? Ему всё равно. А дети бы мучились. Это его цитата, кстати. «Дети бы мучились». Он любит говорить о других так, будто заботится.

Кристина застегнула пальто. Пуговицы не слушались. Пальцы дрожали. Лена помогла. Спокойно, аккуратно, как одевают ребёнка перед школой.

— Вы знали обо мне? — спросила Кристина.

— Знала, что есть кто-то. Не знала, кто именно. Он не прячется особо. Ему даже нравится, наверное. Чувствует себя важным.

— Он хороший человек. Просто запутался.

Лена засмеялась. Смех был невесёлый, сухой, как кашель.

— Знаете, сколько раз я это слышала? От мамы его, от друзей, от коллег. «Он хороший, просто устаёт». «Он хороший, просто жизнь сложная». «Он хороший, просто обстоятельства». Мы все придумываем ему оправдания. А он просто делает что хочет. И всегда выходит сухим из воды. Потому что есть я. Есть вы. Есть мама. Есть ещё кто-то, кто подчищает за ним.

Кристина открыла дверь.

— Если он объявится...

— Он не объявится. Но если вдруг — я ничего ему не скажу. Зачем? Ему всё равно. А мне проще.

Кристина вышла на лестничную клетку. Дверь закрылась. Она слышала, как Лена с той стороны щёлкает замком. Два оборота. Потом тишина.

Она спустилась пешком. Семь этажей. На каждом этаже она останавливалась и думала — а что теперь? На пятом этаже пахло жареной рыбой. На третьем громко работал телевизор — кто-то смотрел футбол, кричали «гол». На первом этаже она встретила кошку, которая тёрлась о батарею. Кошка посмотрела на неё и отвернулась. Кошки всё понимают.

На улице пошёл дождь. Тот самый ноябрьский дождь, который не льёт, а моросит. Мелкий, противный, как комариный писк. Кристина пошла пешком. Она не знала, куда идти. Ноги сами несли её по улицам, мимо витрин, мимо светофоров, мимо людей с зонтами. Она думала о ребёнке внутри неё. Ему было восемь недель. Размером с фасолину. Уже бьётся сердце. Уже можно увидеть на УЗИ, если повезёт.

Она думала о том, что скажет маме. Мама живёт в Твери, они созваниваются раз в неделю. Мама спрашивает — когда внуков? Кристина всегда отшучивалась. Теперь не получится отшутиться. Придётся говорить правду. Или врать. Или молчать.

Она думала о том, как он улыбался. У него была улыбка, от которой хотелось жить. Правда. Когда он улыбался, мир становился цветным. Может, в этом всё дело. Может, он потому и мог делать что угодно — потому что умел так улыбаться, что ему всё прощали.

Она зашла в аптеку. Круглосуточную. Там было светло и пахло лекарствами. Она подошла к окошку, попросила тест на беременность. Фармацевт, пожилая женщина с усталыми глазами, протянула коробочку.

— Ещё что-нибудь?

— Нет. Спасибо.

Она вышла, держа коробочку в руке. Зачем ей тест? Она и так знает. Просто хотелось что-то купить. Что-то, что подтвердит — она существует, она что-то делает, она контролирует свою жизнь.

Дождь усилился. Она зашла в подъезд какого-то дома, села на ступеньки. Достала телефон. Написала ему. «Я была у тебя дома. Я всё знаю. Пожалуйста, ответь. Я не буду тебя ни в чём обвинять. Просто ответь. Это важно. Очень важно».

Отправила.

Прочитал через две минуты.

Не ответил.

Она написала ещё: «Я люблю тебя. Ты слышишь? Я люблю тебя, и мне страшно».

Прочитал.

Не ответил.

Она позвонила. Гудок. Второй. Третий. Сброс. Она позвонила ещё раз. Абонент недоступен.

Кристина сидела на ступеньках чужого подъезда и плакала. Слезы были горячие, хотя лицо замёрзло. Она вытирала их рукавом пальто, но они текли и текли. Она плакала не о нём. О себе. О той себе, которая поверила. О той себе, которая ждала в кафе сорок минут. О той себе, которая купила круассан для человека, которому было плевать.

Через час она встала и пошла домой. Пешком. Десять километров под дождём. Она шла и считала шаги. Раз, два, три. На четырёх тысячах трёхстах двадцати двух шагах она решила — аборт. На пяти тысячах — нет, оставлю. На семи — нет, аборт. На девяти — не знаю.

Дома она сняла мокрую одежду, легла в кровать, не расстилая. Смотрела в потолок. Там была трещина, которая шла от люстры к углу. Она смотрела на неё и думала — трещина как моя жизнь. Начинается в центре и уходит в никуда.

Утром она позвонила в клинику. Записалась на приём. Голос у администратора был бодрый, как будто речь шла о стрижке или массаже. «На какой день вас записать?» — «На ближайший». — «Есть завтра в десять». — «Давайте».

Она пришла завтра в десять. Клиника была чистая, светлая. В коридоре сидели женщины. Разные. Молодые, старые, красивые, страшные. Все с одинаковым выражением лица. Как у людей, которые что-то потеряли и не знают, где искать.

Её вызвали через час. Врач был мужчина. Пожилой, с седыми усами. Он посмотрел её карту, кивнул.

— Первая беременность?

— Да.

— Срок восемь недель. Вы уверены?

Она хотела сказать «нет», но сказала «да».

— Медицинских противопоказаний нет. Операция займёт пятнадцать минут. Наркоз общий. Проснётесь через полчаса. Кто-то встретит вас?

— Нет.

— Это обязательно. После наркоза нельзя садиться за руль и вообще желательно, чтобы кто-то был рядом.

— Меня встретят, — соврала она.

Он посмотрел на неё внимательно. Понял, что она врёт. Но не сказал ничего. Он видел таких сотни. Может, тысячи. Женщины, которых некому встретить.

Она подписала бумаги. Её переодели в одноразовый халат, проводили в операционную. Там было холодно. Металлический стол, лампа, инструменты на подносе. Она легла. Медсестра вставила катетер в вену. Анестезиолог сказал — считайте до десяти.

— Один.

— Два.

— Три.

На «четырёх» она провалилась в темноту.

Проснулась в палате. Рядом стояла койка, на ней спала другая женщина. Молодая совсем, лет девятнадцать. Кристина смотрела на неё и думала — что привело её сюда? Может, такая же история. Может, хуже. А может, лучше. Кто знает.

Внутри было пусто. Физически пусто. Она прислушивалась к себе и не чувствовала ничего. Ни боли, ни облегчения. Просто пустота. Как будто из неё вынули что-то важное, а взамен ничего не положили.

Через час она встала, оделась, вышла на улицу. Медсестра сказала — такси вызвать? Она сказала — нет, я пешком. Медсестра пожала плечами.

На улице светило солнце. Редкое для ноября. Она зажмурилась. Солнце слепило глаза, но не грело. Она пошла к метро медленно-медленно, как старуха. Каждый шаг отдавался болью внизу живота. Но боль была не страшная. Страшно было другое.

Она вернулась домой и легла. Позвонила на работу, сказала — заболела. Начальница недовольно буркнула, но приняла. Кристина лежала и смотрела на ту же трещину в потолке. Трещина стала длиннее. Или ей казалось.

Через три дня она набрала его номер. Он ответил.

— Привет. Ты звонила?

— Звонила.

— Я был занят. Прости. Что случилось?

Она молчала. Он ждал.

— Ничего. Уже ничего.

— Ну и отлично. Давай встретимся на неделе? Я соскучился.

— Давай.

Она повесила трубку. И вдруг поняла — он даже не спросил про ребёнка. Потому что не знает. Потому что Лена ему ничего не сказала. Или сказала, но он забыл. Или не забыл, но ему всё равно.

Она лежала и думала — почему? Почему одни люди проходят по жизни, оставляя за собой разрушения, и им ничего не бывает? Почему другие страдают, мучаются, умирают — а им говорят «сама виновата»? Почему мир устроен так, что жестокость остаётся безнаказанной?

Она не знала ответа. Никто не знает.

Через неделю они встретились. Он был весёлый, красивый, пах дорогим одеколоном. Он обнял её, поцеловал в щёку. Спросил, как дела. Она сказала — нормально. Он рассказал про командировку, про сложный проект, про то, как он устал и как ему нужно отдохнуть. Она слушала и кивала. Внутри ничего не было. Совсем.

Он заказал вино. Она сказала — не пью. Он удивился, но не настаивал. Они сидели в ресторане, ели мясо, говорили о пустяках. Он держал её за руку. Она смотрела на его руку и думала — эта рука убила моего ребёнка. Нет, не так. Эта рука даже не заметила, что ребёнок был.

В конце ужина он сказал — давай поедem ко мне? Жена с детьми у тётки.

Она посмотрела на него долго-долго.

— Ты знаешь, что я беременна?

Он моргнул. Всего один раз.

— Знаю.

— И?

— И что?

— Что ты хочешь с этим делать?

Он вздохнул, откинулся на спинку стула.

— Кристин, ну ты же понимаешь. У меня семья. Дети. Ипотека. Если Лена узнает — будет скандал. Я не могу всё бросить. Ты же взрослый человек. Давай решать вместе.

— Вместе? — она засмеялась. Смех был страшный. — Ты сказал «вместе»?

— Ну да. Я помогу с деньгами. Найду хорошую клинику.

— Я уже была в клинике.

Он замолчал. Потом кивнул. И, кажется, с облегчением.

— Молодец. Правильное решение.

— Ты даже не спросил, больно ли мне было.

— Прости. Больно?

— Очень.

Он взял её за руку, сжал.

— Прости. Я не думал, что так получится. Я не хотел. Но ты же понимаешь — обстоятельства.

Она смотрела на него и видела человека, которого любила. Того же человека. Те же глаза, те же губы, та же ямочка на подбородке. Но теперь он казался ей чужим. Или она сама стала чужой себе.

Она встала, взяла пальто.

— Прощай, Олег.

— Подожди. Ты куда? Мы же...

— Прощай.

Она вышла из ресторана. Он не побежал за ней. Может, хотел, но не побежал. Да и зачем? Всё уже кончилось.

На улице шёл снег. Первый снег в этом году. Крупные хлопья падали на асфальт и тут же таяли. Она стояла и смотрела, как они исчезают. Красиво. И грустно.

Через месяц она переехала в другой город. К маме. Устроилась на работу — простая, скучная, но зато спокойная. Она больше не встречалась с мужчинами. Не потому что не могла. Просто не хотела. Каждый раз, когда кто-то пытался с ней познакомиться, она видела перед собой его лицо. И отворачивалась.

Через полгода она узнала от общих знакомых, что он снова с кем-то встречается. Молоденькая девочка из бухгалтерии. Двадцать два года. Только закончила институт. Кристина прочитала это сообщение и удалила его. Потом заблокировала всех общих знакомых. Потом легла на диван и пролежала так до вечера.

Она думала о том, что та девочка тоже будет ждать его в кафе. Тоже будет писать сообщения. Тоже будет верить, что он разведён. И тоже в какой-то момент окажется в той же операционной, на том же холодном столе. Или нет. Может, ей повезёт больше. Может, у неё хватит ума сбежать раньше.

Но скорее всего — нет.

Потому что такие, как он, умеют выбирать. Они выбирают тех, кто будет ждать. Тех, кто будет верить. Тех, кто будет прощать. И пока есть такие люди, они будут делать что хотят.

Кристина закрыла глаза. За окном шёл дождь. Опять дождь. Она слушала его и думала — сколько ещё таких дождей в её жизни. Сколько ещё ночей, когда она будет лежать и вспоминать. Сколько ещё лет, когда она будет просыпаться и первым делом думать о том, что потеряла.

Она не знала ответа.

Никто не знает.

А Олег в это время сидел дома, смотрел телевизор и думал о том, что надо бы заплатить за ипотеку. И что на работе опять завал. И что надо бы позвонить маме, но уже поздно, завтра. И что хорошо бы в отпуск, куда-нибудь в тёплые страны, где нет дождя и не надо ничего решать.

Он не думал о Кристине.

Совсем.

Она просто исчезла из его жизни, как исчезали другие до неё и как исчезнут другие после. Он даже не заметил. Ну, почти. Иногда, просыпаясь ночью, он чувствовал смутную тревогу. Что-то не так. Что-то упущено. Но он переворачивался на другой бок и засыпал снова. Тревога уходила. Всегда уходила.

Пока.

Пока в один ноябрьский вечер он не сел в машину и не поехал по мокрой дороге навстречу фуре, которая везла апельсины из Марокко. Водитель фуры не спал двое суток — план, график, штрафы. Он не заметил, как легковушка вылетела на встречу. Удар был такой силы, что апельсины рассыпались по всему шоссе. Оранжевые шары катились по асфальту, смешиваясь с кровью и осколками стекла.

Олег не умер.

Он впал в кому.

И там, в темноте между жизнью и смертью, он начал видеть. Не свою жизнь. Их жизни. Те тридцать семь жизней, через которые он прошёл, не заметив. Первой была Кристина. Он почувствовал всё, что чувствовала она. Каждую секунду того вечера в кафе. Каждое сообщение. Каждый глоток остывшего кофе. Боль от аборта — не физическую, ту он не мог почувствовать, но всё остальное. Унижение. Страх. Пустоту.

Он кричал, но никто не слышал.

Он плакал, но слёз не было.

Он хотел проснуться, но не мог.

Саша

Первое воспоминание об отце у Саши было таким: они идут по парку, осень, листья шуршат под ногами. Отцу звонят, он говорит: «Да, хорошо, сейчас буду». И уходит. Саша остаётся на скамейке с недоеденным мороженым. Ему шесть лет. Он ждёт час, два. Потом приходит мама, забирает его, молчит всю дорогу.

Это повторялось много раз. Менялись парки, менялись мороженые, менялось время года. Не менялось одно — отец всегда уходил.

Когда Саше было восемь, отец обещал сводить его на футбол. Саша ждал весь месяц. Он рассказал всем в классе — представляете, меня отец ведёт на «Спартак». Одноклассники завидовали. Саша вырезал фотографии игроков из журналов и складывал в папку. Он знал составы, знал турнирную таблицу, знал, кто сколько забил.

В день матча отец не пришёл. Сказал — форс-мажор, поставщик подвёл, надо разруливать. Мама пыталась объяснить — папа занят, папа устал, папа зарабатывает деньги, чтобы ты мог есть эту котлету. Саша съел котлету и ничего не сказал. Вечером он выбросил папку с футболистами в мусорное ведро. Мама достала, спрятала в шкаф. Думала — пригодится. Не пригодилась.

В двенадцать лет Саша начал замечать, что у других детей отцы другие. Они приходят на родительские собрания. Они везут детей на рыбалку. Они чинят велосипеды в гараже и ругаются матом, когда гайка не откручивается. Отец Саши не чинил велосипеды. Он покупал новые. Ему было проще заплатить, чем провести час с сыном в гараже. Саша не говорил этого вслух, но он бы предпочёл старый велосипед и час в гараже.

В четырнадцать лет случилась история с днём рождения. Саша пригласил друзей. Мама приготовила торт, надула шары, купила колпаки. Отец обещал быть. Саша предупредил всех — отец будет, он вам такое расскажет, он вообще крутой. Друзья ждали. Отец не приехал. Позвонил в десять вечера — прости, сын, контракт срывается, надо лететь в Питер, уже в аэропорту. Саша сказал — да ничего, пап, бывает. Положил трубку. Пошёл в свою комнату и разбил кулаком зеркало. Кровь капала на пол, мама кричала, друзья разошлись. Осколки собирали всей семьёй. То есть мама собирала, а Саша сидел и смотрел, как бинт на руке становится красным.

Потом был выпускной. Девятый класс. Не такая уж важная церемония, но Саша ждал её. Он хорошо закончил год — четвёрки, пятёрки, пара троек, но в целом нормально. Мама купила ему костюм. Отец пообещал прийти. Саша не верил, но надеялся. Он стоял в актовом зале, смотрел на дверь. Дверь открывалась — входили чужие отцы. Чужие матери. Чужие бабушки и дедушки. Его отец не вошёл.

Саша получил аттестат. Сфотографировался с классным руководителем. Выпил полстакана шампанского, которое кто-то тайком пронёс в школу. Вышел на крыльцо и закурил. Первая сигарета в жизни. Горькая, противная. Он курил и смотрел на небо. Небо было равнодушное, как отец.

На следующий день отец позвонил и сказал — ну, как всё прошло? Саша ответил — нормально. Отец сказал — я хотел, но встреча затянулась, сам понимаешь, бизнес. Саша ответил — понимаю. И положил трубку. Он не сказал, что простоял весь вечер у двери. Он не сказал, что мама плакала в туалете, думая, что он не слышит. Он не сказал, что выбросил приглашенный билет, на котором было написано «Папе».

В шестнадцать Саша перестал ждать. Это было тихое, спокойное решение. Как будто выключили свет в комнате, где ты жил с детства. Темно, но можно привыкнуть. Он перестал рассказывать отцу о своей жизни. На вопросы отвечал — норм, всё ок, учёба идёт. Отец, кажется, был доволен такой лаконичностью. Ему было удобно.

В семнадцать Саша влюбился. Девушку звали Аня. У неё были светлые волосы и привычка смеяться, прикрывая рот ладонью. Саша водил её в кино, покупал ей мороженое, писал стихи. Плохие, корявые, но искренние. Он хотел познакомить её с отцом. Зачем — он сам не понимал. Наверное, ему всё ещё казалось, что отец может увидеть в нём человека, а не пункт в списке дел.

Он выбрал день, когда отец был дома. Привёл Аню. Отец вышел из кабинета, пожал ей руку, сказал — приятно познакомиться. Потом посмотрел на часы и сказал — у меня через пятнадцать минут конференц-колл. Саша сказал — мы пойдём тогда. Отец сказал — ну, давайте.

Они пошли в парк. Тот самый парк, где когда-то Саша ждал отца с мороженым. Аня спросила — у тебя с отцом всегда так? Саша ответил — как? Она сказала — как будто вы не родные. Саша пожал плечами. Он не знал, что ответить. Он привык.

Через месяц Аня его бросила. Сказала — ты хороший, но с тобой сложно, ты всё время где-то далеко. Саша не спорил. Он и правда был где-то далеко. Там, где шестилетний мальчик сидит на скамейке и ждёт отца, который никогда не придёт.

В восемнадцать Саша поступил в институт. Не в тот, в который хотел. Хотел на журналистику. Отец сказал — ерунда, иди на менеджмент, всегда будешь при деньгах. Саша пошёл на менеджмент. Ему было всё равно. Он уже понял — спорить с отцом бесполезно. Отец не спорит. Он просто говорит «надо» и «не надо», и это становится законом. Не потому что он тиран. Просто у него есть власть. Власть денег, власть уверенности, власть человека, который никогда не сомневается в своей правоте.

Саша возненавидел менеджмент с первого семестра. Эти бесконечные графики, отчёты, SWOT-анализы. Ему казалось, что его засунули в коробку и закрыли крышку. Он пытался говорить с отцом — пап, мне не нравится, я хочу перевестись. Отец отвечал — потерпи, сын, жизнь вообще не про «нравится». Саша терпел.

На втором курсе он начал пить. Сначала пиво по пятницам. Потом по четвергам. Потом каждый вечер. Он не напивался до потери сознания — просто выпивал две-три банки, чтобы стало легче. Чтобы голова перестала думать. Чтобы обида внутри стала меньше. Она не становилась меньше. Она росла.

На третьем курсе он встретил отца случайно в торговом центре. Отец шёл с какой-то женщиной. Не с мамой. Саша хотел подойти, но что-то остановило. Он стоял и смотрел, как отец смеётся, как кладёт руку ей на талию, как покупает ей духи. Женщина была молодая, красивая, совсем не похожая на маму. Саша развернулся и ушёл. Он ничего не сказал маме. Зачем? Она и так знала. Она всегда всё знала.

Мама умерла, когда Саше было двадцать два. Рак. Быстро, за полгода. Отец нанял лучших врачей, лучшую клинику, лучшие лекарства. Деньги лились рекой. Но рак не лечится деньгами. Саша сидел у маминой кровати и держал её за руку. Она была тонкая, как ветка. Говорила тихо, еле слышно. Говорила — не вини отца, он по-своему любит. Саша кивал, а сам думал — что значит «по-своему»? Есть только один способ любить — быть рядом. Всё остальное — не любовь.

Отец приехал в больницу за два дня до смерти. Посидел у кровати, посмотрел в телефон, ответил на письма. Потом сказал — мне надо в офис, срочное совещание. Саша сказал — конечно, пап, иди. Мама спала. Она не видела, как он ушёл.

На похоронах отец стоял с каменным лицом. Не плакал. Держал спину прямо. Кто-то сказал — смотрите, как он держится, настоящий мужик. Саша подумал — нет, ненастоящий. Настоящий мужик плачет, когда умирает жена. А этот держит спину, потому что ему стыдно показать слабость. Или потому что ему всё равно.

После похорон Саша запил по-настоящему. Неделю не выходил из квартиры. Отец звонил, Саша не отвечал. Отец приехал, долго стучал в дверь. Саша открыл. Отец вошёл, посмотрел на бардак, на пустые бутылки, на небритого сына.

— Соберись, — сказал он. — Матери бы это не понравилось.

Саша засмеялся. Смех был страшный, лающий.

— Ты сейчас серьёзно? Ты будешь мне говорить, что бы понравилось маме? Ты, который ни разу не пришёл в больницу, когда она умирала?

— Я нанял врачей, — сказал отец спокойно. — Я сделал всё, что мог.

— Всё, что мог, — повторил Саша. — Ты дал денег и умыл руки. А я сидел с ней. Я держал её за руку, когда она боялась. Я слушал, как она плачет по ночам, потому что ты опять где-то пропадаешь. Я врал ей, что ты скоро придёшь. Я врал ей, что ты её любишь.

Отец молчал. Потом сказал:

— Я её любил.

— Как? Как ты её любил? Покажи мне. Покажи хоть один раз, когда ты был рядом, когда было трудно.

Отец не ответил. Он повернулся и ушёл. Саша закрыл дверь и допил остатки виски из горла. Потом лёг на пол и лежал так до утра, глядя в потолок. Трещина на потолке напоминала трещину в его жизни. Она становилась всё шире, и он не знал, как её заделать.

Через месяц он устроился на работу. Не по специальности — курьером в доставку. Ездил на велосипеде по городу, возил еду. Деньги были смешные, но ему хватало на сигареты и выпивку. С отцом не общался. Тот иногда писал — как дела, нужны ли деньги. Саша отвечал — нет. Это было единственное слово, которое он мог сказать отцу.

Через год случайно встретил Аню. Она шла с коляской, внутри спал ребёнок. Она улыбнулась, спросила — как ты? Саша сказал — нормально. Она сказала — я замужем, это мой второй, старшему три года. Саша кивнул, поздравил. Они постояли ещё минуту, потом разошлись. Саша смотрел ей вслед и думал — вот как могла бы сложиться его жизнь. Но не сложилась. Потому что он так и не научился быть рядом. Как отец. Он стал тем, кого ненавидел.

В двадцать пять он попытался покончить с собой. Выпил таблетки, запил водкой. Повезло — соседка вызвала скорую, услышала, что музыка играет слишком громко, а дверь не открывают. Сашу откачали. Он лежал в больнице и смотрел в потолок. Трещина была и там.

Отец приехал на второй день. Сел на стул, положил на тумбочку апельсины.

— Зачем? — спросил он.

Саша молчал.

— Я спрашиваю — зачем?

— А тебе не всё равно?

Отец сжал кулаки. Саша видел, что он злится, но злость эта была странная — не на сына, а на что-то ещё. Может, на себя. Хотя вряд ли. Он не умел злиться на себя.

— Ты мог позвонить мне, — сказал отец. — Если трудно — надо звонить.

— Я не хотел тебе звонить.

— Потому что ты бы сказал то же самое. Соберись. Потерпи. Жизнь не про «нравится».

Отец ничего не ответил. Посидел ещё немного, потом встал.

— Я оплатил палату. И психотерапевта. Сходи к нему, когда выпишут.

— Деньгами решаешь?

Отец остановился в дверях.

— По-другому я не умею.

И ушёл.

Саша пролежал в больнице ещё неделю. Психотерапевт, которого оплатил отец, оказался хорошим. Они говорили о детстве, о маме, об отце. Саша плакал на этих сеансах. Он не плакал уже десять лет. Слезы были горячие и солёные, как море, в которое он однажды ездил с классом. Тогда отец тоже не поехал — работа.

После выписки Саша переехал в другой город. Маленький, провинциальный, где никто не знал его отца. Устроился работать в библиотеку. Зарплата копеечная, но там было тихо.

Книги пахли пылью и временем. Ему нравилось расставлять их по полкам, чинить порванные корешки, записывать формуляры. Это была работа, в которой не было отца.

Он не женился. Не завёл детей. Боялся, что станет таким же. Что однажды уйдёт, оставит ребёнка на скамейке с недоеденным мороженым, и всё повторится. Он не хотел, чтобы всё повторилось.

Отцу он не звонил. Тот иногда присылал деньги — просто так, без объяснений. Саша не тратил их. Складывал на отдельный счёт. Счёт рос, а обида не уменьшалась. Она стала частью его, как родинка или шрам.

В тридцать лет Саша поехал в Москву по каким-то делам. Случайно увидел отца в кафе. Тот сидел с какой-то женщиной и пил кофе. Смеялся. Выглядел моложе своих лет. Саша подумал — он даже не знает, что я здесь. Он вообще ничего не знает обо мне. И ему всё равно. Это было горькое, но честное признание. Отец не злой человек. Он просто пустой. Как колодец, в который можно кричать бесконечно — не долетит до воды.

Саша вышел из кафе, не подойдя. Он понял, что не хочет ничего говорить. Не хочет объяснять, обвинять, доказывать. Это уже ничего не изменит.

Вечером он сидел в гостинице и смотрел на фотографию мамы. Единственная, которую он сохранил. Мама смеётся, в руке букет ромашек. За спиной — дача, которую отец купил, но никогда не приезжал. Мама сажала цветы, красила забор, варила варенье. Одна. Всегда одна.

Саша подумал — а ведь она тоже ждала. Ждала, что он изменится. Что однажды придёт домой рано, сядет рядом на диван, спросит — как прошёл день? Не спросил ни разу.

Перед сном Саша написал письмо. Не отцу — себе. «Ты не виноват. Ты был ребёнком. Ребёнок не должен заслуживать любовь. Любовь — это то, что дают просто так. Если тебе не дали — это не твоя вина. Это вина того, кто не дал».

Он перечитал письмо и сжёг его в пепельнице. Дым поднялся к потолку, покружился вокруг лампы, растаял. Саша лёг и впервые за много лет уснул спокойно. Ему приснился парк, листья, мороженое. Только теперь на скамейке никого не было. Просто пустая скамейка под осенним небом. И это было хорошо. Пустая скамейка лучше, чем та, на которой ждут и не дожидаются.

Он проснулся утром, собрал вещи, поехал на вокзал. Купил билет до своего маленького города. Поезд отходил в полдень. Он стоял на перроне, курил и смотрел на рельсы. Рельсы уходили вдаль, сливались в точку. Где-то там был его отец. Где-то там была его детская обида. Где-то там была жизнь, которая не сложилась.

Он затушил сигарету и сел в вагон. Поезд тронулся. Саша закрыл глаза и подумал — я никогда не прощу его. Но я перестану ждать. Это всё, что я могу сделать.

А отец в это время допивал кофе в кафе и не знал, что его сын только что прошёл мимо. Не знал, что сын живёт в другом городе. Не знал, что сын пытался умереть. Не знал, что сын до сих пор помнит тот футбольный матч, на который он не пришёл. И выпускной. И день рождения. И мамину смерть. Он не знал ничего. Потому что никогда не спрашивал.

И это было самым страшным наказанием. Не для него — для Саши. Потому что наказывали не того. Тот, кто не спрашивает, не страдает. Страдает тот, кто ждёт вопроса.

Саша смотрел в окно на проплывающие поля. Они были серые, ноябрьские, мокрые. Скоро должен пойти снег. Первый снег всегда пахнет надеждой. Но Саша уже не верил в запахи.

Он достал телефон, нашёл контакт «Отец». Долго смотрел на экран. Палец завис над кнопкой «Удалить». Потом убрал телефон в карман. Не удалил. Оставил. Не потому что надеялся на звонок. Просто привык. К плохому тоже привыкаешь. Это единственное, чему научил его отец.

Поезд уносил его всё дальше. Туда, где не было отца. Туда, где можно жить, не оглядываясь. Почти.

Почти.

В больничной палате, опутанный трубками и проводами, Олег проживал эту жизнь минута за минутой. Он чувствовал, как шестилетний Саша сидит на скамейке и смотрит на тающее мороженое. Как у него внутри что-то ломается — не кость, не орган, а что-то важнее. То, что потом не соберёшь. Он чувствовал, как двенадцатилетний Саша выбрасывает папку с футболистами — каждую фотографию, каждую карточку, каждую мечту. Он чувствовал холод больничного коридора, когда умерла мама, и никто не пришёл. Он чувствовал вкус таблеток, растворённых в водке — горький, тошнотворный, последний вкус в жизни, которую не хотелось продолжать.

Олег кричал внутри своей комы. Он хотел сказать сыну — прости, я не знал, я дурак, я всё исправлю. Но слова не доходили. Саша его не слышал. Потому что Саша жил своей жизнью, отдельной, в которой отца не было уже много лет.

И это было правильно. И неправильно. И никак иначе.

Потому что некоторые вещи не исправить. Некоторые слова не вернуть. Некоторых людей не дождаться.

Саша знал это. Теперь Олег тоже начинал понимать. Но понимание — это ещё не прощение. Понимание — это только начало ада, в который он погружался с каждой новой жизнью. А впереди было ещё тридцать пять.

АНТОН

Антон Сергеевич повесился в гараже собственной тётки. Гараж был старый, кирпичный, с протекающей крышей. Тётка хранила там банки с соленьями и зимнюю резину от «Жигулей», которые уже три года стояли на приколе. Антон выбрал этот гараж не потому, что имел что-то против тётки. Просто больше было негде.

Ему было сорок два года. Он проработал в компании «ТехПромСнаб» двенадцать лет. Сначала монтажником, потом бригадиром, потом начальником участка. Он знал каждый винт, каждый кабель, каждый чертёж. Он мог с закрытыми глазами собрать распределительный щит и на ощупь определить неисправность. Он не был гением. Он был хорошим работником. Надёжным. Таким, на которых всё держится, но которых никто не замечает, пока они не сломаются.

Олег был его непосредственным начальником последние четыре года. Антон не любил Олега, но терпел. Терпел, потому что была ипотека, жена в декрете, маленький сын, потом второй. Терпел, потому что Олег умел говорить так, что ты чувствовал себя виноватым за всё сразу — за низкие продажи, за плохую погоду, за то, что солнце встаёт на востоке, а не на западе. Антон часто думал — как у него это получается? Вроде ничего такого не говорит, обычные слова: «Антон Сергеич, надо поднажать», «Антон Сергеич, вы же понимаете, ситуация сложная», «Антон Сергеич, я на вас рассчитываю». Но после каждого разговора оставался осадок, как после плохого кофе. Горький и липкий.

В тот год компания пошла вниз. Не из-за Олега и не из-за Антона. Рынок просел, поставщики подвели, два крупных контракта сорвались. Акционеры требовали сокращений. Олег вызвал Антона в кабинет в пятницу вечером. Антон помнил этот вечер до мельчайших подробностей. На столе у Олега стояла фотография семьи — жена, дети, всё как положено. Рядом кружка с надписью «Лучшему менеджеру». На мониторе открыта таблица Excel с какими-то цифрами.

— Антон Сергеич, присаживайтесь, — Олег указал на стул. — Разговор есть.

Антон сел. Он чувствовал себя неуютно в этом кабинете. Тут всегда было слишком тепло и слишком тихо. Кондиционер гудел ровно, успокаивающе, как змея.

— Антон Сергеич, вы же знаете ситуацию. Компания переживает не лучшие времена. Мы вынуждены оптимизировать расходы. Сокращать штат.

Антон кивнул. Сердце забилось быстрее, но он держал лицо.

— Я понимаю, Олег Викторович.

— Вы хороший специалист, — продолжил Олег. — Правда. Один из лучших. Но ваша должность... как бы это сказать... дублируется. Мы можем перераспределить обязанности. Оставить одного начальника участка вместо двух. И, учитывая показатели...

Он развёл руками. Антон знал эти показатели. Последние полгода они шли вниз. Не потому что он стал хуже работать. Потому что работы стало меньше. Но Олегу нужны были цифры, чтобы обосновать решение. И он их нашёл.

— Вы меня увольняете?

— Мы предлагаем вам уйти по соглашению сторон. С выплатой двух окладов. Это хорошее предложение в текущей ситуации.

Два оклада. Сто шестьдесят тысяч рублей. На эти деньги можно прожить месяц. Может, два, если затянуть пояс. Но у Антона была ипотека — сорок две тысячи в месяц. Кредит за машину — пятнадцать. Дети — одному три года, другому восемь месяцев. Жена в декрете, пособие копейное. И сто шестьдесят тысяч — это насмешка.

— А можно как-то... может, на другую должность? Я готов на меньшую зарплату.

Олег покачал головой.

— Вакансий нет, Антон Сергеич. Сами понимаете, кризис. Мы всех сокращаем. Я бы рад помочь, но...

Он снова развёл руками. Этот жест Антон запомнил навсегда. Руки в стороны, как будто он не при чём, как будто обстоятельства сильнее, как будто это не он сидит в тёплом кабинете с фотографией семьи и кружкой «Лучшему менеджеру», а кто-то другой, злой и бездушный.

— Когда нужно уволиться?

— С понедельника можете уже не выходить. Отдел кадров всё оформит. Пропуск сдадите на охрану.

Пятница, вечер. Антон вышел из кабинета и пошёл по коридору. В коридоре пахло офисной пылью и перегоревшим кофе. Стены были увешаны мотивирующими плакатами: «Команда — это сила», «Вместе мы достигнем большего», «Каждый сотрудник важен». Антон подумал — кроме меня. Я уже не сотрудник. Я уже сокращённая штатная единица.

Он собрал вещи со своего стола. Кружка с надписью «Папе от Лизы» — дочка подарила на прошлый день рождения, кривые буквы, расплывшаяся глазурь. Фотография жены и детей. Маленький кактус, который подарила коллега на 8 Марта в шутку — «чтобы ты был такой же колючий». Блокнот с записями, ручка, степлер. Всё уместилось в одну коробку. Двенадцать лет жизни в одной коробке.

Он шёл к метро и думал — что сказать жене? Как посмотреть ей в глаза? Она верила в него. Она говорила — ты сильный, ты справишься, у тебя золотые руки. Золотые руки, которые никому не нужны.

Дома пахло борщом. Жена варила борщ по средам и пятницам. Дети играли в комнате, слышался смех, какой-то писк, топот маленьких ног. Антон разделся в прихожей, долго мыл руки, смотрел на себя в зеркало. Лицо было чужое — серое, осунувшееся, с тёмными кругами под глазами.

— Ты чего такой? — спросила жена, выглянув из кухни. — Случилось что?

— Меня сократили.

Она замолчала. Полная ложка борща застыла в воздухе. Потом она медленно положила её обратно в кастрюлю, вытерла руки полотенцем, подошла к нему.

— Как сократили? Почему?

— Оптимизация. Кризис. Два оклада выходного пособия.

— И что теперь?

— Не знаю. Буду искать.

Она обняла его. Он стоял как деревянный. Ему хотелось плакать, но он не мог. Слёзы как будто замёрзли внутри и превратились в лёд. Тяжёлый, холодный, давящий на грудь.

Первые две недели он искал работу. Разослал резюме в тридцать компаний. Ответили из четырёх. Три отказа, одно приглашение на собеседование. Он поехал. Собеседование проводила девочка лет двадцати пяти, которая спрашивала про «кейсы» и «скиллы», а он не понимал этих слов. Он умел работать руками, а не языком. Девочка обещала перезвонить. Не перезвонила.

Через месяц закончились деньги. Те сто шестьдесят тысяч ушли на ипотеку, кредит, еду, памперсы, лекарства — младший заболел, температура, кашель, антибиотики. Антон считал каждую копейку. Перестал покупать сигареты, хотя курить хотелось до дрожи. Перестал обедать — говорил жене, что поел в городе, а сам ходил голодный, чтобы детям досталось больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.